



Художник С.Дергачев

Ужас

Юрий
Нестеренко



ФАНТАСТИКА

«Многие думают, будто неперменные спутники ужаса — тьма, одиночество и безмолвие. Я познал чудовищный ужас среди бела дня, при ярком свете, в забитом людьми банальном дешевом пансионе, расположенном в самом центре огромного шумного города; я испытал немислимый страх, несмотря на то что рядом со мною находились хозяйка этих мебелированных комнат и двое крепких парней».

Это из рассказа Лавкрафта «Холод», прочитанного мной когда-то в юности; разумеется, цитата отнюдь не врезалась мне в память — сейчас я просто отыскал ее заново. Ничего ужасного в том рассказе на самом деле нет. Вообще, на мой взгляд, единственное ужасное, что есть в творчестве Лавкрафта, — это его литературный стиль. Неуклюжие, занудные повествования, пестрящие эпитетами типа «немисливо кошмарный» и откровенными признаниями «я не в силах это описать»; развязка историй, если она вообще есть, становится очевидной задолго до финала, а герои производят впечатление истеричных психопатов — и данный рассказ не исключение. Я вспомнил его лишь потому, что хочу рассказать о самом большом ужасе, который довелось пережить мне.

Свой кошмар я пережил в обстоятельствах, довольно-таки отличных от упомянутых в лавкрафтовском рассказе, но тоже не слишком похожих на стандартный антураж ужастика. Хотя это случилось не среди бела дня, а ранним утром на вершине Олимпа. Рядом со мной был лишь один человек — мой старый университетский приятель Женька Ковалев, с которым мы накануне впервые увиделись после не то шести-, не то семилетнего перерыва. Что касается тьмы и безмолвия (а заодно и холода), то таковые имелись в изобилии, но лишь за пределами помещения.

Гора Олимп, как вам, вероятно, известно, представляет собой гигантский кратер потухшего вулкана; ее диаметр у основания достигает почти шестисот километров, а самая высокая точка обода кратера вздымается на двадцать четыре километра над окружающими равнинами. Но мы, конечно, находились не на этой неприветливой скале, а внутри кратера, почти шестью километрами ниже, на ровном плато, образованном застывшими миллионы лет назад вулканическими породами. Так что, строго говоря, это была не совсем вершина; тем не менее восемнадцать с половиной километров — тоже очень приличная высота, и атмосфера, плотность которой даже у поверхности составляет лишь одну сотую земной, здесь практически полностью отсутствует (соответственно и пыльные бури, порою окутывающие всю планету, сюда не добираются). Именно из-за этого обстоятельства, облегчающего космические старты, астрономические наблюдения и вообще практически любую работу, связанную с небом, плато внутри кратера облюбовали многие марсианские службы, включая Главный космодром и примыкающий к нему Центр управления. Через туннели, проби-

тые в ободу кратера, вниз по склонам горы ведут скоростные железнодорожные пути; пологость этих склонов и невысокая марсианская гравитация делают подъем и спуск вполне несложным даже для больших грузов.

Именно в диспетчерской ЦУПа и принял меня Ковалев — как раз в свою смену. Когда-то давно подобные помещения были гигантскими залами, через которые, словно ряды в старинных кинотеатрах, тянулись пульта, за каждым из коих сидело по оператору, то есть полетом какой-нибудь одной вшивой ракеты управляли десятки человек. Теперь это лишь небольшая комната с единственной консолью: практически всю работу делают компьютеры, за которыми присматривает один-единственный диспетчер. На всякий случай в состоянии готовности положено находиться еще одному, в резервном центре за тысячу километров отсюда, но за все время существования марсианских колоний его услуги не потребовались ни разу. Так что в руках Женьки находилось практически все, что в этот час летало по околomarсианской орбите. Впрочем, не то чтобы совсем в его руках: не только он контролировал компьютеры, но и они его, поскольку, вздумай он отдать какую-нибудь нелепую команду, она была бы заблокирована.

— Слушай, Женька, — осведомился я, слушая, как он все это рассказывает, — а тебе не влетит за то, что ты меня сюда пустил?

Конечно, журналистская карточка была у меня при себе, но я тогда прожил на Марсе лишь два дня и, привыкнув к недельным земным утряскам и согласованиям (борьба с терроризмом прежде всего!), все не мог поверить, что мне удалось так вот запросто проникнуть в один из важнейших центров Красной планеты.

— А что бы ты мог предпринять, даже если бы оказался террористом? — пожал плечами Ковалев. — Во-первых, как я уже сказал, комп в принципе не станет делать ничего незаконного. Во-вторых, система безопасности просканировала тебя на входе. У тебя нет оружия, ядов, всякой биологической дряни. Импланты стандартные. Компьютеры слушать не будут: номеров твоих имплантов нет в базе, это раз, и они проверяют заодно и биометрику, это два. И даже если бы ты, допустим, стал душить меня голыми руками, я одной мысленной командой заблокировал бы консоль и поднял тревогу. Это вы там на Земле по уши в бюрократии, а здесь все устроено очень просто и разумно. Собственно, это главная причина, по которой я сюда перебрался.

— Стереотипно мыслишь! — усмехнулся я. — Рассматриваешь только насильственные варианты. А вот предположим, я бы просто попросил тебя сделать нечто не являющееся формально незаконным, но...

— Даже окажись я таким дураком, чтобы исполнить неподобающую просьбу, то ты с тем же успехом мог сделать это и снаружи. Твое присутствие здесь ничего не меняет.

— Допустим, я бы тебя загипнотизировал.

— Я не гипнабелен. Нас на это тестируют. А ты что, и впрямь подался в «Небесный джихад»? — хохотнул он.

— Нет, конечно. Но ты же знаешь, я люблю искать нетривиальные решения и логические дыры.

— Как же, как же! Еще в универе все уши прожужжал этими задачками. «Хорошие люди никогда не лгут. Петя солгал. Значит ли это, что Петя — нехороший человек?» Правильный ответ: не значит.

— Именно. Ибо нигде не сказано, что Петя — вообще человек. А на первом курсе, помнится, я подколот физичку, заметив, что опыт Майкельсона — Морли не доказывает постоянства скорости света. Он лишь доказывает, что Земля неподвижна относительно мирового эфира.

— И что физичка?

— Оказалась с юмором и поставила зачет.

— Да, хорошие были времена, Альберт. Мы с тобой еще застали живых преподов. Теперь небось компы не очень то подкальываешь.

— Почему? Уже есть компьютеры, способные понимать шутки, — возразил я. — Я как раз недавно о них писал. Правда, едва ли ими оснащают универы... Но между прочим, комп даже скорее, чем человек, признал бы мою правоту! Ведь с точки зрения формальной логики — действительно не доказывает. И до тех пор, пока кто-нибудь не повторит этот опыт, к примеру, на Марсе...

— Так за чем дело стало? — пожал плечами Ковалев. — *Hic Martis, hic salta*. В смысле — вот тебе Марс, тут и ставь опыт.

— Я забыл дома свой интерферометр Майкельсона, — усмехнулся я.

— Обойдемся без интерферометра. — Женька, похоже, загорелся идеей. — Вот смотри. — Он, очевидно, дал импланту мысленную команду, и курсор побежал по экрану консоли. — Это спутники-ретрансляторы. Крутятся вокруг Марса по общей круговой орбите. Направление вращения — то же, что и у планеты. Сейчас как раз один из них над западным горизонтом, другой над восточным. С Олимпа почти нет атмосферного рассеивания, поэтому мы можем использовать лазерную связь. Если мировой эфир существует и принцип постоянства скорости света неверен, то луч, посланный на восток, будет за счет вращения Марса иметь большую скорость, чем луч, посланный на запад. Спутники принимают сигналы, фиксируют время приема вместе со своими точными координатами и отсылают нам. Считаю скорости и сравниваем.

— Точности не хватит. Что такое скорость вращения планеты по сравнению со скоростью света? Порядка одной миллионной.

— На спутниках очень точная аппаратура. Хотя, да, маловато, конечно... Впрочем, зачем нам скорость планеты? Померяем не прямой, а обратный сигнал — со спутников. У них-то орбитальная скорость более чем на порядок выше. И кстати, на два еще умножить. Западный спутник приближается к нам, восточный удаляется. Движением самого Марса вокруг Солнца можно пренебречь, поскольку мы возле терминатора и проекции лучей на вектор орбитальной скорости фактически равны... Но все равно, имеем уже уровень пары соты тысяч. Этого должно хватить. Обычно, правда, такая точность не требуется, но аппаратура позволяет.

— Ты что, в самом деле хочешь это проделать?

— А почему нет? Насколько я знаю, опыт Майкельсона — Морли действительно никогда не проводился вне Земли. Просто никому это не приходило в голову.

— Тогда, может быть, оформим официально? — усмехнулся я.

— Брось ты свои земные замашки. Для того чтобы по-

слать сигнал на спутники и получить ответ, мне не требуется никакого специального разрешения. — Он задумался на короткое время, глядя на экран. — Вот и все.

— Ты отдал команды?

— Я уже принял сигналы со спутников. Сейчас посмотрим результат. — Очевидно, Женька мысленно велел компьютеру рассчитать скорости. — Что за черт, — пробормотал он в следующий момент.

Тут я усмехнулся:

— Что такое? Мы заработали Нобелевскую премию?

Разумеется, в тот момент я и мысли не допускал, что результат может разойтись с классическим.

Женька произнес тихо:

— Сигнал с восточного спутника шел медленней. Примерно на десять километров в секунду. Разница во времени, конечно, мизерная, но все же за пределами погрешности.

— Теперь ты меня подкальываешь?

— Полюбуйся сам.

Я придвинулся к экрану. Курсор последовательно ткнул в два числа. С учетом округления до значимых разрядов, там было 299 795 и 299 785. Конечно, Женька мог вывести на дисплей все, что угодно, но, еще раз взглянув на него, я понял, что он не шутит. Потому и сказал:

— Глюк какой-то. Ну давай попробуем еще раз.

Второй опыт дал аналогичный результат. И третий тоже. Скорости чуть варьировались на пределе точности измерений, но дельта все равно существенно превышала погрешность.

Мы с Ковалевым уставились друг на друга.

— Этому должно быть какое-то объяснение, — сказал я.

— Ну да, — кивнул он, — и ты его только что дал. Земля неподвижна относительно мирового эфира, а Марс соответственно не.

— Да брось ты, я серьезно! Может, у восточного спутника часы отстают? Или координаты неправильно считаются?

— Мой сигнал, на который он отвечал, содержал команду синхронизации, — покачал головой Ковалев. — И с координатами все абсолютно точно. Если бы они были определены с ошибкой, луч просто не попал бы на приемный сенсор.

— Тогда что?

— Не знаю.

Я почувствовал, как у меня стремительно холодеет в животе и ускоряется пульс.

— Этого не может быть.

— Ну ты же сам видишь. Хочешь повторить в четвертый раз? А, нет, уже не получится: восточный спутник ушел за горизонт.

— Когда там следующий?

— Примерно через час нынешний западный сместится на восток, а над восточным горизонтом поднимется следующий. А какая разница? Они все абсолютно одинаковы.

— Все равно. Надо проверить еще раз, на других спутниках.

— Альберт, чего ты так волнуешься? На тебе лица нет. Ты вправду веришь, что мы получим Нобелевскую премию?

— Да какая там премия! Если... если у нас обоих не поехала крыша и эти цифры — действительно разные скорости света... ты хоть понимаешь, что это значит?

— Что мы опровергли теорию относительности. Да ну, бред, конечно. Были же и какие-то другие опыты, которые ее подтверждают... не помню, я все-таки релятивистской физикой с универа не занимался.

— Плевать на теорию относительности. Земля неподвижна относительно мирового эфира! То есть именно она является центром Вселенной.

— Ч-черт! — изумленно протянул Женька, до которого наконец дошло.

— Вот именно. И не только.

Мы помолчали.

— Давай искать другое объяснение, — решительно произнес он.

— Давай. Может, рефракции? Я понимаю, атмосферы здесь практически нет, но...

— Именно что нет. И кроме того, во время первого опыта спутники были почти на равной высоте над горизонтом.

— Ладно. Будем думать дальше.

Наверное, даже капитан терпящего бедствие корабля не перебирает варианты так отчаянно, как это делал я. Но условия были слишком просты, чтобы отыскать в них лазейку. Точно известно время, когда каждый спутник отослал свой сигнал, и время, когда мы его получили. Точно известны координаты спутников на тот момент и наши собственные. Зная время и расстояние, получаем скорость. Задача для первого класса. В диспетчерской, разумеется, работал климат-контроль, но мои пальцы стали совсем ледяными, а лоб покрылся испариной. «Проснуться, — твердил я себе, — проснуться, это просто кошмар, этого не может быть...» Но, будь это сном, я бы уже давно пробудился. Я мысленно отругал себя за то, что предаюсь пустым надеждам вместо того, чтобы искать решение. Что могло быть не так с этими проклятыми спутниками?! Чем они отличались друг от друга?

— Слушай, — сказал я, — ведь один из них был над освещенной стороной, другой над ночной, в тени планеты. Может, разница температур?

— Скорость света не зависит от нагревания, — нервно хохотнул Ковалев.

— Да, но температура могла повлиять на технику.

— Нет, там все схемы упрятаны в глубь термозащитного кокона. Я же говорю, там очень точное оборудование. И естественно, оно рассчитано на перепады температур.

Мы вновь замолчали. Я смотрел, как ритмично сменяются цифры на часах.

— А чему она вообще равна точно? — спросил я. — Которая официальная?

— Сейчас найду в сети. Вот, 299 792 458 метров в секунду.

— О! — Мне наконец стало чуточку легче. — Это же результат западного спутника! А если бы дело было в мировом эфире, то «с» легла бы аккурат посередине между западным и восточным!

— Может быть систематическая ошибка, которая занижает оба результата. Компьютерам все же нужно какое-то время на обработку сигнала.

— Но эта ошибка одинакова для обоих компьютеров?

— Конечно. Они же идентичны, и сигналы тоже.

Тут я вдруг широко зевнул, даже не прикрыв рот ладонью. Кстати, обычай прикрывать рот возник, кажется, не из-за гигиенических соображений (зевков ведь не чихание), а «чтобы бес не влетел». В старину рот не просто прикрывали, а крестили. Вот ведь...

— Спать хочешь? — машинально осведомился Женька.

Вообще-то это моя стандартная реакция на стресс, но я предпочел назвать вторую причину:

— Чтобы взять у тебя интервью во время вахты, мне пришлось встать сегодня в четыре часа ночи.

— Утра, — поправил он.

— Ночи, — угрюмо повторил я. — Для всех нормальных людей это ночь.

— Гениально! — завопил Ковалев и не слишком логично



ФАНТАСТИКА

добавил: — Мы с тобой кретины! Нормальные люди ночью спят, даже на Марсе!

— И какое отношение это имеет к скорости света?

— Компьютеры — идентичны! Сигналы — идентичны! Но другие задачи — не идентичны! На ночное полушарие почти нет передач!

— А-а! — наконец дошло до меня. — Ты хочешь сказать, что восточный спутник был загружен своими прямыми обязанностями, и потому время обработки нашего сигнала...

— Ну да! Между записью сообщения, содержащего время и координаты, и его отправкой возникла крохотная пауза, во время которой компьютер спутника обслуживал другие процессы! А у спутника над ночной стороной таких процессов не было, и сигнал ушел сразу! Разница, конечно, мизерная, в обычных условиях ее и не заметишь. Но ведь мы ловили ничтожные доли секунды, на пределе точности...

Надо ли объяснять, что именно эта гипотеза, а вовсе никакой не мировой эфир, оказалась верной? В чем мы и удостоверились, потребовав от болтавшегося над нами спутника, уже перешедшего в дневной режим, двух сигналов подряд — во втором указывалось точное время отправки первого. Оно разошлось со временем, записанном в первом сигнале, как раз на ожидаемую величину, с чем мы друг друга торжественно и поздравили.

А интервью с диспетчером ЦУПа Евгением Ковалевым я тогда таки дописал и отдал в печать. Естественно, об опыте Майкельсона — Морли, точнее, Ковалева — Вешина, там не было ни слова. Мы совсем не хотели, чтобы нас подняли на смех. Лишь теперь, прожив на Марсе без малого двадцать лет и добившись, без ложной скромности, кое-какого положения, я решил об этом рассказать.

Вам, может, интересно, что там было в рассказе Лавкрафта? Да ничего особенного: некий доктор нашел способ сохранять сознание в уже мертвом теле. Правда, телу грозило разложение, и доктору необходимо было постоянно находиться в холоде. Когда же его холодильная машина сломалась, он быстро сгнил заживо. А герой рассказа, который все это увидел и узнал, впоследствии трясся от ужаса всякий раз, как чуял малейшее дуновение прохлады. Помимо того что это явный плагиат «Правды о случившемся с мосье Вольдемаром» Эдгара По, — скажите, что в этом такого ужасного? Конечно, зрелище сгнившего доктора было мерзким, но при чем тут страх? Наоборот, радоваться надо, что отыскался способ продлить жизнь — вполне научным, замечу, способом, с помощью каких-то реактивов. Ну а необходимость холода — вполне решаемая технически проблема.

Разве это может сравниться с ужасом, который пережил я?

С теми шестью с половиной минутами, в течение которых я верил, что бог действительно есть.

